

О МАЕВСКИХ П. П. и М. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МАЕВСКИЙ Михаил Петрович, родился в 1901 в Екатеринославе (отец Маевский Петр Петрович, дворянин; мать Маевская Анна Александровна). До 1917 — проживал в Хабаровске, учился в реальном училище, в 1918 — бежал из дома в поисках приключений, вступил в отряд Семенова, позднее найден родителями и возвращен домой в Хабаровске, где окончил реальное училище и был призван в РККА. После демобилизации проживал с родителями во Владивостоке, работал исследователем-зоологом в Тихоокеанском Институте рыбного хозяйства. 26 декабря 1931 — арестован с отцом как «участник контрреволюционной организации». 24 января 1932 — приговорен к ВМН и расстрелян¹.

МАЕВСКИЙ Петр Петрович, родился в 1874. Окончил юридический факультет университета. Женат на Анне Александровне Маевской, в семье — сын Михаил. До 1917 — проживал с семьей в Хабаровске, служил в учреждении; затем переехал во Владивосток, работал плановиком-экономистом в Приморском Рыбаксоюзе. Женат на Анне Александровне Маевской, в семье — сын Михаил. 25 декабря 1931 — арестован с сыном как «участник контрреволюционной организации»; обвинялся в «антисоветской агитации». 24 января 1932 — приговорен к ВМН и расстрелян².

В феврале 1934 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Анна Александровна Маевская, жена и мать.

<10 февраля 1934>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, недавно я узнала, что в Москве находится Международный Красный Крест Помощи полит<ическим> заключенным, и что к Вам можно обращаться с просьбой, что я и делаю, умоляя Вас помочь мне. Дело мое следующее: 25-го дек<абря> 31 г<ода> в г<ороде> Владивостоке был арестован агентами ГПУ мой муж, Петр Петрович Маевский, и 26-го дек<абря> того же года мой сын Михаил Петрович. Держали их целый год в заключении. Допрос был моему мужу два раза и, кажется, сыну так же. В конце января 32 г<ода> я принесла им передачу в тюрьму, куда они были переведены из ГПУ; передачу мою не приняли, сказали, что их взяли обратно в ГПУ. Когда я пошла туда, то и там не приняли, сказали, что они переданы в ведение прокурора. Но мне, кажется, что это не причина людей лишать последней радости в заключении, т<о> е<сть> передачи.

Мой муж и сын окутаны сетью подлой клеветы. Их обвинили в участии в какой-то организации и с такими лицами, кот<орых> они в жизни не встречали и даже фамилии их не знают. Наконец, как мой муж, так и мой сын по своим взглядам против каких бы то ни было организаций, поэтому это обвинение ложно.

Когда же я спросила прокурора, в чем же обвиняется мой муж, он мне ответил: "в агитации". При свидании я мужу передала то, что сказал мне прокурор, муж был крайне удивлен и сказал мне, что, вероятно, я ошиблась, не поняла прокурора, и что не могут его обвинять в том, чем он никогда не занимался, и что, вообще, он ни в чем не считает себя виновным и что, вероятно, на днях <его> освободят. Когда же он сидел в ГПУ, то почти при каждой передаче писал мне: "до скорого свидания, за мной никакой вины нет". Я должна сказать, что мой муж юрист, с

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

университетским образованием, всесторонне развитой человек и, если он мне давал надежду на скорое свидание, то он отдавал себе отчет в том, что говорил, значит, он так и думал.

Что касается сына, то его обвиняли в том, что он был в отряде Семенова. Муж, как юрист, полагал, что сыну за это грозит самое большее — 3 года высылки, не больше. Если же обвинители учтут все обстоятельства, при которых сын попал в отряд, и еще в то время юный возраст, то, конечно, должны были его оправдать.

Обстоятельства эти следующие: до 17-го года мы жили в Хабаровске, затем переехали во Владивосток. Сына же оставили в Хабаровске, чтобы он закончил там учебный год, он был в V-м классе. Долго я не имела от него известий, наконец, узнаю, что его в Хабаровске нет и неизвестно, где он. После безуспешных поисков и справок, мы узнали, где он, поехали с мужем и привезли его обратно в ужасном виде. Оказалось, что товарищи, такие юные мальчишки, как он, соблазнили его бежать, поступить в отряд какой-нибудь и вести интересную жизнь, полную приключений, и более интересную, чем ученье в реальном училище. Конечно, Майн-Рид и подобные приключенческие рассказы сыграли тут немалую роль. Сын был бесконечно счастлив, что мы вырвали его из той обстановки, куда он попал случайно, где так настрадался, зато это отбило у него всякую охоту к каким бы то ни было организациям. Вскоре мы его отправили опять продолжать учиться в Хабаровске. Вот вся его вина. И можно ли судить и наказывать почти 30-ти летнего человека за то, что он сделал мальчиком? Ведь это больше, чем десятилетняя давность! Наконец, он служил в Красной Армии, ничем там себя не скомпрометировал, должны были и это учесть. Суд над моим мужем и сыном был негласный, а судила какая-то тройка. Какую же можно ожидать справедливость от подобного негласного суда? Когда я хотела писать в Москву, мне определенно сказали, что Москва им не указ, и что у них власть на местах. И вот эта волна прокатилась по всему Владивостоку. Не было дома, где бы ни было арестованных. Вся интеллигенция трудовая была арестована, масса инженеров, докторов и т.<ак> д.<алее>. Много погибло в заключение, т.<ак> к.<ак> арестовывали даже больных. А расстрелы?? Какое право имеет человек убивать себе подобного, да еще вдобавок безоружного человека? Подлее этого ничего быть не может. Природа дала жизнь человеку, она и отнимет ее.

Мой сын последнее время работал по биологии, его работа есть даже здесь в Академии наук. В год ареста он должен был ехать в Москву на съезд профессоров биологов, готовил доклад, в котором он проводил новую мысль в этой области; весь был поглощен этим трудом. При свидании я находила его таким же жизнерадостным, как и всегда, т.<аким> о.<бразом> вины за собой он никакой не чувствовал, об одном только просил меня, не продавать его книги.

Они с мужем наверно думали, что они в руках людей, которым не чужды справедливость и снисхождение, а оказалось, что они в руках жестоких зверей. Прошел слух, что многих, в том числе и моих дорогих страдальцев, выслали неизвестно куда. Если бы даже мой сын и мой муж были бы в чем виноваты, то уже достаточно просидеть год в ГПУ, чтобы искупить свою вину.

В ГПУ гулять совсем не выпускают, т.<ак> к.<ак> некуда, сидят они под крышей, окно в крыше, кругом стены, жара отчаянная. Всего не перескажешь. Меня ужас берет, когда я все вспоминаю, гипноз и тот мне не помогает. Доктор говорит, что надо уйти с головой в какую-нибудь работу. Но в какую? Вот если б я могла работать на пользу заключенных, эта работа меня удовлетворила бы, примирила бы с жизнью.

Когда я узнала, что существует Красный Крест Помощи полит.<ическим> заключенным, и что Вы там работаете, я заплакала от

радости, что есть еще такие истинно хорошие люди, кот<орые> могут заниматься таким высоко нравственным трудом, как помощь полит<ическим> заключенным.

И вот я обращаюсь к Вам, несчастная мать и жена, прошу Вас помочь разыскать моих родных, я сознаю, что это очень трудно, т<ак> к<ак> от ГПУ правды очень трудно добиться. Простите меня за мое, может, несвязное письмо. Я его едва пишу, т<ак> к<ак> все время плачу.

С глубоким уважением А. Маевская.

10/II – 34 г<ода>.

Ленинград, Гатчинская <улица>, д<ом> 16, ком<ната> 34.

Анна Александровна Маевская»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1163. С.129-130. Автограф.